

Если бы я встретила его... да, это он играл главную роль в том фильме, это он поёт ту песню, из-за которой мне трудно дышать, это он смотрит с каждого второго постера... так вот, если бы я встретила его, то сказала бы: «Ты полюбишь меня, когда узнаешь. Клянусь. На вид я унылая посредственность, но именно ты отыщешь во мне нечто особенное. Только смотри внимательно, пожалуйста, дай мне шанс!»

Вот так.

Но в тесте с вопросом «Что бы вы сказали вашему кумиру?» я выбрала самый короткий и скучный ответ: «Вы лучше всех!» — а в жизни наверняка бы молчала и пялилась. Или: «О-о-о, э-э-э, это вы, ах!» Или самое гнусное: «Можно автограф?» Кому вообще нужны эти автографы и для чего? Закорючка на бумажке, вроде «отвяжись».

Глупо.

Я вышла в меню сайта и открыла другой тест. «Кто вы из героинь известных книг». Наверняка в итоге

обзовут Анной Карениной или Ассоль, в лучшем случае ведьмой из «Короля Лира», а варианта с попаданками не будет. Знаю, уже проходила. Но я хочу стать именно попаданкой. Выпрыгнуть из своей хомячьей коробки туда, где уж точно буду особенной. Где приключения, магия, всё такое. А Жанна говорит, что каждый человек изначально уникальный, тем более я, — просто надо раскрыться миру.

Ну да, ну да. Звучит неплохо, но как-то слишком неконкретно. Вроде мотивирующей надписи на картинке с красоткой на фоне заката: «Полюби себя и покоришь всех» или «Вселенная слышит тебя, доверься ей!» Редкостная фигня. Но не для Жанны. Она привыкла сыпать всякими лозунгами, потому что постоянно торчит в интернете и раздаёт добро. Правда, с ней можно поговорить и нормально, без пустых красивостей, если повод серьёзный. Только прямо сейчас нельзя.

Сейчас из комнаты Жанны доносится дикий грохот, который она называет музыкой. На мой вкус, это визг электродрели, отбойный молоток, падающие метеориты, топот лошадей всадников Апокалипсиса, рёв пьяных матросов и хохот гиен во тьме. Музыка, ага. На полную громкость, потому что Жанна занимается йогой для физического и морального здоровья. Если бы я и захотела, переорать этот бедлам невозможно. А если бы переорала, Жанна следит за дыханием и отвечать не станет. Это её очередное увлечение — йога.

Она говорит: «Я выгорела, просто не человек, а пепелище, надо подлатать энергетическое тело». И ещё: «Почти сорок, физическое тело тоже в беде».

Но как по мне, это большое преувеличение — выглядит Жанна получше многих. Когда мы где-нибудь в людном месте, внимание обращают на неё, а не на меня. Она вся такая маленькая, подтянутая, подвижная, её улыбки вроде хлопушек — бах! — сыплются конфетти и блёстки. И уж сорок ей даже с натяжкой не дашь, даже тридцать пять. А я неприлично рослая и медленная рядом с Жанной. Мишка косолапый по лесу идёт.

«Просто ты ко всему относишься ответственно, основательно, без суеты, — говорит она. — Задумчивый надёжный человек не обязательно скучный». Оптимистка.

Интересно, она правда выгорела со своим интернетным добром или уже всюю раскручивает новый проект? Интересно.

Жанна в Сети — «Бегущая вдаль». Это ещё со времён её блогерства на тему путешествий, вполне успешного, кстати. К волонтерству тоже подошло, а сейчас...

Как приручить подростка?!

Все люди в глубине души считают себя исключительными. Это не эгоизм и не тщеславие, просто мы пропускаем абсолютно всё через собственные органы чувств

и познавать реальность иначе не приспособлены. Да, где-то у сердца мы носим свою бесценную значимость, словно котёнка во внутреннем кармане куртки. У подростков же это не котёнок, а злющая бестия с острыми когтями. Она ранит, она рвётся на волю, она требует поклонения. Моей дочери шестнадцать, тот самый возраст, и я знаю ситуацию очень хорошо. И знаю, что мы, родители, способны приручить бестий наших взрослеющих детей. Например, моя дочь...

Дочь — это я.

Родитель — это Жанна.

И если бы не йога, через которую невозможно пробиться, я бы попыталась придушить её прямо сейчас. Но вместо кровопролития сидела и читала. Читала и чувствовала себя раздетой, избитой, вывернутой наизнанку. Она рассказала о моей любви к фанфикам и женскому фэнтези, да так, что я оказалась полной дурой, которая придумала себе кучу комплексов и ударилась в нытьё.

И, конечно, набежали комментаторы. Комментаторши.

Одна тётка написала, что детишек нужно пороть старым добрым ремнём, но сначала отобрать гаджеты. Я зарегистрировалась как «Тыжемать» и назвала её тупой короной. Ясное дело, под своим именем такое не напишешь. И злилась я не на тётку, а на Жанну. Но подумала: а почему бы и нет, что они мне сделают?

Ещё я написала какой-то Колибри, что сама она неблагодарная свинья, раз считает, что сын должен её обожать за стирку и суп. А потом высказалась на тему размышлений Жанны: она предательница, выставляет своего ребёнка на всеобщее обозрение, за человека не считает, корчит из себя мудрую, но в действительности подличает ради дешёвой популярности.

И так я разошлась, что всё-таки вломила к ней и выключила музыку. Вот только что явно простуженный мужик визжал и рычал под грохот Третьей мировой войны, и — бац — тишина. Безмолвие. Даже воздух стал прозрачнее.

Жанна будто не заметила. Она лежала на старом туристическом коврикe посреди комнаты, в лифчике и пижамных шортах, ноги за головой, глаза закрыты, дыхание громкое и глубокое. Нарочно такое дыхание, типа очень полезное. Выглядело это не слишком привлекательно, кожа на её тощем животе собралась в складки, лицо покраснело, и пахла она потом, но всё равно казалась мне очень красивой. Только я пришла не любоваться.

— Видела твою новую статью в блоге, — сказала я очень-очень спокойно, но словно жирно подчёркивая красным каждое слово. Папина фирменная интонация.

Она даже глаза не открыла.

Вдох.

— Хорошо.

Выдох.

— Ничего хорошего. Что это такое?

Вдох.

— Асана. Пflug.

Выдох.

— Я про статью.

Жанна осторожно вывела прямые ноги из-за головы и опустила на пол. Теперь она просто лежала на спине, глядя в потолок. Я подошла и вытянулась рядом. И подумала, что мы похожи на двух детей в траве под летним небом. Только вместо солнца — пыльный плафон на три лампочки, но один патрон давно испортился. Рядом — пятнышко от прихлопнутой мухи или комара. Чуть дальше слегка покачивается на сквозняке тонкая паутинка, поблёскивает как седой волос. У Жанны полно седых волос, она их закрашивает и становится коричнево-рыжей. «Каштанка — помесь дворняги с таксой», — смеётся она.

— Слушай, как считаешь, мы с тобой друзья? — кажется, Жанна спросила не меня, а останки потолочной мухи.

— Не знаю.

— Жаль. Такие вещи нужно знать.

— Мам, — я не называю её Жанной в лицо, только мысленно, причём всегда голосом Русика. Потому что он здорово это произносит: «Жа-анна», чуть растягивая первую «а». Если раз услышишь, уже не отвяжется. — Мы друзья. Но в этой твоей статье — нет. В ней ты — главная, а я — пустое место.

— Ничего подобного.

— Ты изобразила меня безмозглой малолеткой.

— Да брось!

Вот этого я не ожидала. Настроилась на уговоры или хотя бы спор с аргументами, а она просто отмахнулась. Возмущение подбросило меня вверх, поставило на ноги и понесло к двери. Я была уверена, что Жанна окликнет, чтобы объяснить, но, когда обернулась, она уже приподнялась на лопатках, выгнулась мостиком и снова задышала.

— Я тебе там написала своё мнение. Надеюсь, поймёшь, — многозначительно выдала я.

Вдох.

— Угу.

Выдох.

Она меня заблокировала! Без разговоров взяла за шиворот и выкинула из обсуждения! И написала новую статью — о подростковом троллинге. Мол, аморальное поведение деток в Сети — ещё один способ почувствовать свою значимость и попытка примерить разные социальные роли. А когда я опять толкнулась в её комнату, дверь оказалась запертой.

— Я на галерах! — крикнула Жанна.

Это значит, работает. Сочиняет отзывы на товары и услуги, рекламные агитки, статистику, гороскопы, душещипательные жизненные истории для журналов средней паршивости или обзоры для киношных сайтов. Она всё может, говорит, главное — иметь под рукой словарь синонимов и побольше наглости.

Ну да, чайник горячий, на обеденном столе открытая банка из-под кофе, рядом грязная десертная ложка. Жанна всегда делает крепкий кофе и забирает чашку в комнату, к ноутбуку. Обычно это папина чашка. Вообще, они одинаковые — её и папина, —

большие керамические монстры, только у него синяя, а у неё оранжевая. Она берёт синюю. Сидит сгорбившись несколько часов и не пьёт, забывает, а потом без сожалений выплёскивает остывшую бурду в мойку. Раньше одного раза хватало, теперь она может торчать за работой весь день и заваривать кофе снова и снова. «У меня интернет-зависимость», — говорит Жанна. Поэтому же не покупает смартфон и пользуется раздолбанным доисторическим телефоном. Чтобы не было искушения нырнуть в Сеть вне дома. Например, в поездках.

Раньше мы много путешествовали. И обязательно влипали в мелкие неприятности. Жанне ведь недосуг просто позагорать на пляже, ей надо забраться в глушь, найти там дичь, пощекотать нервы. Поэтому её тревел-блог народу нравился — тысячи подписчиков, бурные обсуждения. А потом что-то произошло, но я так и не поняла, что именно.

К тому моменту папа уже отчалил во Владивосток по своим автомобильным делам. Чем конкретно он занимается, мне не объясняли, а я никогда особо не расспрашивала. Машинами. Папа работает, этого достаточно. У пап ведь так и должно быть: с утра обливаются одеколоном и уходят, возвращаются поздно, поругиваясь, что припарковаться негде, устало укладываются перед телевизором и начинают переключать каналы каждые пять секунд. Ну, ещё с ними можно пересечься на кухне ночью,

когда у пап бессонница. Посидеть рядом, заглядывая в сканворд и прихлёбывая чай. Пухлые сборники сканвордов лежат стопкой на подоконнике, но прикасаться к ним запрещено, только папы могут вписывать мелкие буквы чернильной ручкой. «Архитектурный полукруг», — говорят папы. «Арка», — отвечают дочери. Такой разговор. Хороший, по делу. А если не спрашивают, помолчать тоже неплохо. Папы — вроде больших деревьев: сидишь в тени, прислонившись спиной к стволу, и ничего другого не надо.

Но папа уехал. И мы тоже. Без него, с Русиком, который не очень-то хотел. Русик вообще тяжёлый на подъём, вечно отмазывается учёбой. Но Жанна говорит, что нам просто необходим защитник, типа мы пропадём без длинного нескладного буратино, у которого постоянно такой вид, будто он попал под дождь и страшно из-за этого расстроился. Но лучше защитник Руся, чем никакого, с этим не поспоришь.

В общем, мы погрузились в серебристую малоли-тражку Жанны и рванули на Кавказ, искать в горах какой-то совершенно космический дольмен.

— Не поверите, насколько это мощная штука! Прямая связь с вселенским разумом! Энергетический колодец. Или портал. Или чёрт его знает, но за пределами мистического места. Дольменов в мире немного, и большинство — здесь, на Кавказе. Учёные толком не знают, откуда они и для чего, но ясно, что

древние, как г... бивни мамонта. Наверное, в них хранили жрецов, или приносили человеческие жертвы, или запирали ими силы зла. Короче, энергетика сумасшедшая! — Жанна немного задыхалась, продираясь через густые папоротники.

Мы с Русиком плелись следом и даже не пытались делать вид, что слушаем. Сначала лес радовал: к середине весны он уже позеленел, закрыл небо плотными кронами и наполнился таинственным влажным сумраком. Но лезть вверх по крутому склону слишком утомительно. А Жанна как истинный герой пёрла напролом, по мшистым камням, через завалы сухих веток и колючие кусты, то и дело натываясь на липкую паутину. При этом ухитрялась восхищаться птичьим пением, чистейшим воздухом, грибочками-цветочками-речечкой-водопадиком.

Через пару часов Русик заподозрил, что мы заблудились, и предложил вернуться в посёлок. Жанна назвала его слабаком. Пришлось топтать дальше и выше. Потом разнылась я. Бесполезно. И когда мы были готовы окончательно взбунтоваться, чтобы больше ни шагу вперёд, Жанна вывела нас к дольмену.

Дольмен — это такой дом. Четыре стены из здоровенных каменных блоков, сверху плоская плита вроде крыши, и круглое отверстие с одной стороны. Не понять — окно или лаз. Совсем круглое, будто вырезанное по циркулю. Стоял дольмен на пригорке, а вокруг — редкие берёзы — белые, тонкие и очень

высокие. Берёзы-анорексички, у которых сил даже на нормальную листву не хватило, а только на жухлые мелкие ошмётки.

Сами каменные блоки дольмена были неровными, немного бугристыми, заросшими лишайниками и пухлым, как губка, тёмно-зелёным мхом. Я побродила вокруг, пощупала. Прислушалась к древней каменюке, потом к себе, стараясь пробудить шестое чувство, но нет, ничего. Скучно. А Русик и подходить не стал — уселся на траву и заявил, что натёр ноги.

— Его надо попросить, — сказала Жанна и кивнула в сторону дольмена.

— Накормить и спать уложить, — пробормотала я, усаживаясь рядом с Русей.

— Лучше меня накормите. — Руся похлопал ладонью по рюкзаку, чтобы я приземлилась на него, а не на холодную землю. — Последнее печенье ещё утром догрызли.

— Шашлыка бы сейчас, — вспомнила я придорожное кафе с мангалом.

— Или хотя бы котлет.

— И картошку-пюре.

— И салат.

— Помолчите, — попросила Жанна.

Мы послушно затихли. И я подумала, что всю дорогу птицы просто надрывались в лесу, а сейчас их нет. Нереальная тишина. И лёгкий болотистый душок, сырой и немного плесневый.

Жанна подошла к дольмену, раскинула руки, прижалась к шероховатой стене всем телом. Распласталась и застыла. Хоть дольмен был повыше Русика (а у него метр восемьдесят роста), не сказать, что такой уж громадный. Но Жанна казалась потерянной на фоне каменной плиты. Хрупкой. Уязвимой, вот. Мне стало за неё страшно, не знаю почему, но захотелось поскорее уйти. Беда! — поняла я. Только что за беда, случилась она или на подходе? А может, просто место здесь атмосферное, в самый раз для ужастика?

— Русь? — шепнула я.

— Тс-с-с. Жанна. Просит, наверное.

Я хотела сказать, что у неё и так всё есть, но покорно закрыла рот. Ладно, потерплю, раз припёрлись.

Ждали мы минут десять, потом Жанна отлепилась от камня и не глядя на нас пошла назад. Мы рванули следом, почти скатываясь по склону, оскальзываясь на прошлогодних листьях и глинистых тропках. Не разговаривали, спешили, словно кто-то подталкивал в спину. Уверена, смутное чувство тревоги накатило не только на меня — на Жанну и Русика тоже. Потому что, когда за деревьями показались шиферные крыши маленького посёлка, все мы вздохнули от облегчения и радостно переглянулись.

Не знаю, как обстояли дела с просьбой Жанны, а мы с Русиком получили сполна и сразу.